

Валентина Осеева

Динка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ночью раздался негромкий стук в калитку. В маленькой даче было тихо и темно. Стук повторился громче, настойчивей.

Марина подняла голову с подушки, прислушалась, потом вскочила и, протянув в темноте руки, добралась до постели сестры.

— Катя! Проснись! Кто-то стучит...

— Кто стучит?

Младшая сестра мгновенно открыла глаза и потянулась за спичками.

— Подожди! Не зажигай! Слушай...

Мимо террасы прошлепали чьи-то осторожные шаги, заскрипели ступеньки.

— Это я... Лина, — послышался тихий шепот за дверью.

Катя сняла крючок. В комнату протиснулась кухарка Лина. Заспанное лицо ее было встревожено.

— Стучит кой-то... Открывать али нет?

— Калитка на замке. Вот ключ. Постарайся задержать. Если обыск, скажи, что пойдешь за ключом, — быстро зашептала Катя, накидывая халат.

Лина понятливо кивнула головой.

— Подождите... Надо позвать Никича, — торопливо сказала Марина, — я сейчас пойду...

— Никича нет, он в городе, — остановила ее Катя.

— Вчерась еще укатил, — прошептала Лина.

— Ах да! — вспомнила Марина.

Все трое смолкли. В тишине было слышно, как кто-то пробует открыть калитку.

— Подождите волноваться. Может, это просто воры? — глядя в темноту широко раскрытыми глазами, сказала Катя.

Лина поспешно приперла табуреткой дверь.

— Коли воры, так запастись бы чем, попугать их...

У калитки снова раздался нетерпеливый громкий стук.

— Воры не стучат... Лина, иди удержи, — шепнула Марина.

Лина широко перекрестилась и вышла. Катя присела на корточки около печки и встряхнула коробок спичек...

— Марина, где Сашино письмо? Давай скорей!.. Ах, какая ты неосторожная!

— У меня только одно... единственное... И в нем ничего такого нет, — доставая из-под подушки письмо и пряча его на груди, взволнованно сказала Марина. — Тут нет никаких адресов... Подождем Лину!

— Глупости... Все равно это надо сделать... В прошлый раз тебя спрашивали, переписываешься ли ты с мужем! Зачем же так рисковать... Давай скорей...

Марина молча протянула ей конверт... В печке вспыхнул огонек и осветил склоненные головы сестер, смешивая темные пряди Катиных кудрей и светлые косы Марины.

— Это письмо мне и детям... — с глубокой грустью прошептала старшая сестра.

Катя схватила ее за руку:

— Тише... Идет кто-то...

Ступеньки снова зазвонили.

— Не пугайтесь. Это дворник с городской хватеры. Самой кличет, — сообщила Лина.

— Меня? А что ему нужно? Это Герасим? Так зови его сюда!

— Звала. Не идет. Чтоб и зная, говорит, не было, что я приезжал.

— Странно... Что могло случиться? Ну, я иду, Катя. Не разбудите детей, потише.

Марина накинула платок и вышла. Катя сунула ей в руку ключ. Большая черная тень неподвижно стояла под забором.

— Герасим! — тихонько окликнула Марина. — Вы один?

— Один, один. Не извольте сомневаться, — так же тихо ответил дворник. — Мне только слово сказать.

— Так пойдете в кухню. Там никого нет.

Марина открыла калитку. Герасим оглянулся и боком пролез на дорожку.

— Не опоздать бы мне на пароход. Один только ночной идет... Да дело-то в двух словах... может, нестоящее, а упредить надо.

— Пойдемте, пойдете.

Стараясь не скрипеть гравием на дорожке, Марина пошла вперед, Герасим покорно следовал за ней.

В летней кухне царил мягкий полумрак. Перед иконой богородицы теплилась лампадка, у стены белела неубранная постель. Под окном стоял чисто выскобленный стол, на плите поблескивали сложенные горкой кастрюли.

Марина подвинула Герасиму табуретку:

— Садитесь...

— Так вот, может, нестоящее дело... — повторил Герасим, застеснявшись. — Может, я зря вас потревожил, конечно...

— Ничего, ничего... Рассказывайте, — попросила Марина, присаживаясь на Линину постель.

Герасим осторожно подвинул к ней табуретку; в сумраке забелел ворот его рубашки, блеснули глаза.

— Вчерась человек какой-то к хозяину приходил... Спрашивал, куда госпожа Арсеньева с детьми выехала. А хозяин меня позвал. Ты, говорит, помогал им, вещи носил: куда они выехали? А я гляжу — человек незнакомый, ну и не стал признаваться. Не знаю, говорю, куда выехали, я только до извозчика провожал. А вы, говорю, кто им будете? А я, грит, ихний знакомый. И сует мне гривенник. Нет, говорю, не знаю. А сам гляжу: человек чужой, — шепотом рассказывает Герасим.

— А какой он на вид? И что еще спрашивал?

— Одет ничего, чисто. Под барина вроде. Так, молодой, неказистенький человечиска. Спрашивал еще: бывает ли кто на городской квартире? Живет ли здесь кто? Нет, говорю, никто не бывает и никто не живет. Заперли да уехали... А хозяин и говорит: госпожа, говорит, Арсеньева в газете служит, можете, говорит, туда зайти, я адрес дам. А он стоит, мнется и адреса не спрашивает. Ну, постоял и пошел. А хозяин мне и говорит: «Беда с неблагонадежными квартирантами — и выгонять их жалко, и неприятности от полиции наживешь».

Марина провела рукой по волосам:

— Значит, так и ушел он?

— Ушел... А я думаю себе: неспроста это, надо бы упредить на всякий случай... Тут недалеко, съезжу. Да в темноте то проблуждал маленько. Перевозил я вещи днем, а тут ночью пришлось искать... Ну, я пойду.

— Куда вы?! Опять заблудитесь. Переночуйте у нас, а рассветет — и поедете! — уговаривала Марина.

— Нет, уж я пойду. В крайности пересижу около пристани. Теперь такие дела творятся, что не приведи бог! В девятьсот седьмом году почитай полны тюрьмы насовали и теперь все еще опасаются чего-то... — Голова Герасима с сильным запахом лампадного масла приблизилась к Марине. — Сказывали, весной побег из тюрьмы готовился... Политические, что ли, своих выручать хотели, только один среди них иудой затесался. Вот он в самый момент возьми да и выдай всю компанию... Ну и хватают сейчас охапками кто прав, кто виноват...

— Это в городе? На нашей улице? — спросила Марина.

— Не... на нашей улице тихо. Жители все почтенные, комнат не сдают... Это вон на окраинах, где общежития али комнатухи какие сдаются. Рабочий люд ютится да студенты по большей части. У нас без подозрения. Но, между прочим, дворников тоже проверяют в полиции... Я пойду, — заторопился Герасим. — Счастливо оставаться. Простите за беспокойство.

Марина крепко пожала ему руку.

— Герасим, у вас же денег нет, вы потратились на проезд. Я сейчас вам принесу, — заторопилась она.

— Ну чего там... Я вами не обижен. Бывайте здоровы!

Герасим ушел. Марина закрыла калитку и пошла в дом. Катя и Лина нетерпеливо ждали ее, тревожась и недоумевая.

Марина передала свой разговор с Герасимом. Сидя вторым в темной комнате, они озабоченно припоминали всех, кто мог их разыскивать.

— Если знакомый, то завтра явится в редакцию. Только какой же знакомый пойдет расспрашивать хозяина? — пожалала плечами Катя.

— Может, это меня мой Силантий разыскивает? — предположила Лина.

Силантий, брат Лины, служил в солдатах, и вот уже несколько лет она все ждала его в отпуск.

— Силантий в солдатском. Это кто-то другой, — вздохнула Марина.

— Ну что сейчас гадать! Утро вечера мудренее. Ложитесь-ка лучше спать, — зевая, сказала Лина и, осторожно прикрыв за собой дверь, ушла.

Сестры не спали долго. Увидев в окно светлеющий сад, Катя всполошилась:

— Ложись скорей спать, Мара! Тебе осталось два часа каких-нибудь поспать... Ложись...

— Сейчас... Только посмотрю, не проснулись ли дети, — сказала Марина, приоткрывая дверь в соседнюю комнату.

— К Алине не ходи, разбудишь, — предупредила Катя.

Младшие дети крепко спали, разметавшись во сне. Восемилетняя Динка сладко причмокивала, кольца жестких волос закрывали ей лоб, лезли на щеки... Одеяло ее сползло на пол, крепкие загорелые ноги и руки темнели на простыне... Мышка была старше на полтора года, но она выглядела хрупкой по сравнению с крепышом Динкой. Мышка спала так тихо, что худенькое личико ее с прозрачными веками казалось неживым.

Мать наклонилась над ней, поймала чуть слышное дыхание. Потом подняла Динкино одеяло, повесила его на спинку кровати, повернула Динку на бок, отвела от ее лица волосы и

вышла. К старшей девочке она не зашла. Алина спала в отдельной маленькой комнате. Мать постояла у ее двери, послушала и, успокоившись, вернулась к себе.

Катя сидела на полу у печки и обрезала ножницами обгоревшие края уцелевшего клочка письма. Руки ее были в золе, лоб и нос испачканы сажей.

— На тебе... — сказала она с неожиданной кроткой улыбкой и протянула сестре обрезанный краешек бумаги.

Губы Марины дрогнули, она поднесла к окну бумажку и прочла единственные уцелевшие слова: «...родная моя...»

— Ну, ложись теперь, — примиряюще сказала Катя.

Марина разделась и легла, отвернувшись лицом к стене.

Глава 2

ДОРОГОЕ ПИСЬМО

Катя завела будильник, не раздеваясь, бросилась на свою постель и мгновенно заснула. Марина не спала. Она не думала о сообщении Герасима. Мало ли кто мог спрашивать их адрес... Возможно, какой-нибудь знакомый проездом был в Самаре и хотел повидаться... Может быть, на службе лежит для нее записка... Все это пустяки. Марине было жаль письма, которое сожгла Катя. Письма от Арсеньева приходили редко. Зная, что полиция тщательно разыскивает его следы, письма свои к жене Арсеньев передавал только через верных людей. В этих редких длинных посланиях он подробно расспрашивал о детях, о ней, Марине, рассказывал о своей жизни, о встречах с новыми и старыми товарищами. Читая эти письма, Марина радовалась, что муж по-прежнему полон энергии и в среде новых товарищей не чувствует себя одиноким. Последнее письмо пришло весной. В теплых, грустных строчках его чувствовалась глубокая душевная тоска по семье. Марина так часто читала и перечитывала это письмо, что помнила наизусть каждое слово, она никогда не решилась бы уничтожить его, если бы не Катя... «...Дети растут и забывают отца, — горько жаловался жене Арсеньев. — А мне так

часто видятся они все трое... И кажется, что я снова на элеваторе, что вот сейчас я приду домой...»

Марина закрывает глаза, и ей представляется элеватор, где ее муж служит инспектором. Большой казенный дом... Засыпанный зерном двор... Высокое крыльцо... Марина слышит знакомые шаги... В передней хлопает дверь, и Саша в пыльной кожаной тужурке заглядывает в комнату.

«А где мои три чижика?» — громко спрашивает он, сбрасывая тужурку и шумно плескаясь у рукомойника.

Алина бросается в детскую, выводит из уголка тихенькую Мышку, тащит упирающуюся Динку:

«Вот они, папа!»

«А где тот чижик, который называется Орало-мучеником?» — шумит отец.

Динка тогда была еще совсем маленькая и только училась ходить. Падая, она поднимала такой рев, что сбегался весь дом. Отец называл ее Орало-мучеником.

«...Я не могу простить себе, что сердился на Динку. Помнишь, как она являлась ко мне в кабинет?..» — пишет в этом письме Арсеньев.

Марине снова представляется элеватор... Она видит большую холодную гостиную и в конце ее дверь в кабинет... Динку интересовал отцовский кабинет... Добравшись до закрытой двери, она начинала стучать в нее обоими кулачками. Отец не мог ее увести и беспомощно кричал:

«Марочка! Мара! Возьми ее!»

Марина прибежала из кухни или из детской. Большой широкоплечий мужчина с сердитым и расстроенным лицом стоял перед ребенком, не умея с ним справиться.

«Она опять пришла. Я же занят», — серьезно объяснил он. «Ну-ну!» — кричала на него Динка, порываясь в кабинет. И лицо у нее было такое же сердитое, как у отца.

«Ну подумай! Не хочет уходить! Я ее просил, просил!..»

«Конечно, Саша был очень занят, — серьезно думает Марина. — Ведь тогда уже шел девятьсот четвертый год... В доме печатались прокламации, секретные брошюры... Нужно было помочь Косте в типографии, распределить и разослать хранившуюся в доме нелегальную литературу... А вече-

рами Саша выступал на рабочих собраниях... И в кабинете у него постоянно собирались рабочие... Конечно, Динка мешала... Но иногда он сам звал ее...» Марина вспоминает, как, заслышав маленькие шажки, отец открывал дверь. Динка останавливалась на пороге и, склонив голову набок, спрашивала:

«Папа?»

Отец присаживался на корточки, гладил стриженую голову.

«Я, папа, папа...» — Динка прятала за спину руки и важно удалялась.

«Опять приходила?» — удивлялась Марина.

«Ничего. Она ненадолго. Больше для проверки», — смеялся отец.

Короткая летняя ночь идет к концу. В комнате уже почти светло. Марина с упреком смотрит на спящую сестру. Зачем Катя сожгла это письмо? Конечно, когда-нибудь его все равно надо было сжечь, Марина сама обещала сделать это при первой тревоге. Но зачем она сделала это сегодня?.. Катя просто напугана обысками...

В 1907 году, после отъезда Арсеньева, полиция долго не оставляла в покое его семью. Только последние два года уже не было обысков, и дело Арсеньева как будто заглохло. Марина снова вспоминает письмо мужа. «...Я часто думаю об Алине. Ты пишешь, что она чувствует себя почти взрослой и не терпит никаких возражений... А помнишь, какая это была спокойная, послушная девочка? Как она старалась помочь нам в самое горячее время... Ведь в девятьсот пятом году ей было уже семь лет... Она многое понимала...»

Перед глазами Марины встает шумный элеваторский дом... В кабинете мужа бурно обсуждаются события, открыто собираются товарищи, между ними приезжие из Москвы, из Питера... В угловой комнате, где раньше была воскресная школа, наспех сдвинуты скамейки, там останавливаются приезжие, многие из них скрываются от полиции... Марина достает им паспорта, деньги, налаживает связи с нужными людьми... Дом Арсеньевых уже хорошо известен полиции, но царское правительство растерянно...

Всюду проходят рабочие забастовки, на улицах громко звучат запрещенные песни...

«Полиция парализована! Около дома ни одного сыщика!» — возбужденно говорит Саша, возвращаясь с митинга.

В эти дни дети целиком предоставлены Кате, но Алина не хочет сидеть в детской. Ее тоненькая фигурка то и дело мелькает между взрослыми.

«Алина, что ты тут делаешь?»

«Я помогаю папе».

«Алина! — кричит отец. — Убери у меня на столе! Открой форточки в кабинете! Мы скоро придем! Алина, где моя шапка?»

Алина находит шапку, прибирает на отцовском столе, открывает форточки, наливает в графин воду...

«...Детство Алины кончилось на элеваторе, — с грустью пишет отец. — Но все-таки оно было, коротенькое счастливое детство, кусочек его достался и Мышке, а вот Динка совсем не знает отца... Да и я не могу теперь узнать моей выросшей дочки... «Здравствуй, папа! — пишет она в коротенькой записке. — Не слушай никого про меня. Я хорошая девочка, и я исправлюсь к твоему приезду...»

Будильник неожиданно и резко звонит. Катя вскакивает и машет руками:

— Закрой его, закрой!.. Ты давно встала?

— Не знаю, — говорит Марина. — Эта ночь была такая короткая...

Катя смотрит на бледное лицо и синие тени под глазами сестры.

— Ты не спала? Ты думала о том человеке? — быстро спрашивает она.

— О каком? — искренне удивляется Марина. — О том, что спрашивал наш адрес? Нет, я не думала о нем... Сегодня узнаю в редакции... Может, приходил кто-нибудь из знакомых...

— Но ведь надо быть дураком... — резко говорит Катя и, взглянув на часы, быстро перебивает себя: — Одевайся! Уже половина седьмого. Опоздаешь!

Глава 3

ТЕТКА И ПЛЕМЯННИЦА

Марина уезжает рано. Катя, раздраженная ночным происшествием, нервничает. Сдвинув у переносья темные брови, она мрачно смотрит на мир своими изумрудно-зелеными русалочьими глазами и мысленно клянет того «неизвестного человека», который спрашивал у хозяина их адрес, ругает себя и сестру за ночную панику, сердится на Марину за то, что она не спала и теперь, наверное, еле-еле сидит на службе, сердится на Мышку за то, что она плохо ест, а больше всего на Динку, которая, как нарочно, с самого утра шумно носится по саду и устраивает всякие шалости. А сейчас она уже вертится около стола, чтобы схватить горбушку хлеба и поскорей исчезнуть из дома...

Обычно Катя бывает рада, когда Динка убегает гулять, но сегодня она хочет наказать ее за утренние проделки.

— Не тронь хлеб. Скоро будет завтрак, — сурово говорит она и прячет тарелку с хлебом в буфет.

Динка убегает в комнату и, присаживаясь на пол, сбрасывает с ног сандалии: она всегда ходит босиком, считая, что всякая обувь тянет ее книзу.

— Ты никуда не пойдешь, — строго говорит Катя, входя в комнату и закрывая за собой дверь.

Динка вскидывает на нее удивленные глаза:

— Почему не пойду?

— Потому что ты слишком много безобразничала сегодня! И вообще, что это за беготня такая? Не успели мы приехать, как ты обегала всю Барбашину Поляну! Тебя видели на Учительских дачах, везде! — с возмущением заканчивает тетка.

Кате двадцать два года. Она вместе со старшей сестрой воспитывает ее девочек. Она очень редко делает замечания Мышке, потому что Мышка уступчивая и послушная девочка; Катя почти никогда не вступает в спор с Алиной, потому что Алина очень обижается; зато с младшей, упрямой и своевольной Динкой, ей приходится постоянно пререкаться из-за

всякого пустяка. Из-за Динки у Кати часто возникают споры с сестрой.

«Боюсь, Катя, что ты придираешься к ней по мелочам», — недовольно замечает Марина.

«Ну конечно! — сердится Катя. — Ты уезжаешь на службу и не видишь, что вытворяет эта девчонка! Тебе все кажется мелочью, а попробуй-ка посиди тут целый день со всеми тремя — тогда узнаешь!»

«Да я и так все знаю, но по тому, что ты мне рассказываешь, я часто вижу, что, наряду с каким-нибудь серьезным проступком, ты придираешься к мелочам... Ну зачем это, Катя? Не дергай ее по пустякам, лучше строго спрашивай за какой-нибудь серьезный проступок».

«Ах, оставь, пожалуйста! Это очень легко говорить. Как это — строго спрашивать? Что я могу с ней сделать? Ведь она даже не выслушивает до конца, когда я говорю с ней. Нет уж, спрашивай сама! Мне надоели эти вечные пререкания! Хорошо еще, что она целый день бегает где-то...»

«Где же она бегает?»

«По каким-нибудь дачам, по просекам... Почем я знаю, где она бегает! Не могу же я бросить все и бежать за ней! Ты просто бог знает чего требуешь от меня, Марина!»

Марина с тревогой смотрит на сестру, брови ее хмуро сдвигаются, у губ появляется глубокая морщинка.

«Конечно, я понимаю, что тебе легче, когда она уходит из дома. Но мало ли что может случиться? Ведь были же случаи, когда она приходила с разбитым носом...» — глубоко вздыхая, говорит она.

«Подумаешь — с разбитым носом! Как будто она не может и дома разбить свой нос!»

«Конечно, может... Она сказала тогда, что зацепилась за пенек и упала... — задумчиво говорит мать, — а может, она и подралась с кем-нибудь?»

«Не беспокойся, пожалуйста! Она себя в обиду не даст, это не Мышка. И правды от нее не узнаешь, потому что она врет на каждом шагу. Тебе скажет одно, мне — другое, а Лине — третье».

«Но что же вынуждает ее врать?»